

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР. ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК XI

СТРАНЫ И НАРОДЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ,
ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1971

М. В. Воробьев

ЧЖУРЧЖЭНЬСКОЕ ГОСУДАРСТВО ЦЗИНЬ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

(по цзиньским источникам)

Государство Цзинь было создано чжурчжэнями в 1115 г. на территории Маньчжурии, Северного и Центрального Китая и просуществовало до 1234 г. Как видно по карте, к новому государству отошли и те области, откуда Китай издавна поддерживал отношения с племенами и странами центральноазиатской ойкумены. Отныне китайское государство, представленное династией Южная Сун (1127—1279), оказалось практически отрезанным от прежних коммуникаций. Но значило ли это, что традиционные связи между Западом и Востоком (в дальневосточном понимании) прервались на полтора столетия, вплоть до возникновения колоссальной империи монголов? Мы изучили связи, нашедшие отражение лишь в цзиньской литературе. К этой литературе мы относим «Историю Цзинь» или «Цзиньши», которая, хотя и составлена монголом То Кэ То при династии Юань, но по цзиньским первоисточникам [15, 8] «Записки о государстве Великая Цзинь» (*Да Цзинь гочжи*) чжурчжэньского автора [6], «Записки о посольстве на Север» (*Бэй ши цзи*), оставленные цзиньским послом — чжурчжэнем Угусунем Чжун Дуанем, пересекшим в 1220—1222 гг. всю Центральную Азию до Герата (см. карту) [16]. Угусунь Чжун Дуань принадлежал к правящему дому. После побед монголов в Северном Китае он был послан цзиньским двором к Чингисхану с просьбой о мире [15, цз. 124]. Его дипломатическая миссия не увенчалась успехом, так как цзиньский император надеялся сохранить свое государство и ограничиться признанием завоевателя старшим братом, а Чингисхан, покоривший к тому времени значительную часть Северного Китая и многие центральноазиатские земли, соглашался оставить за Цзинь лишь территорию к югу от Хуанхэ, да еще требовал передачи ему западных стратегических проходов в страну. Догоняя Чингисхана, Угусунь Чжун Дуань добрался до Герата. Его маршрут неясен, но сведения по этнографии мусульманских стран в его «Записках» интересны.

Наконец, мы относим к этой литературе важные «Записки о западных землях» (*Си ю цзи*) Чан Чуня — знаменитого даосского проповедника, китайца, жившего в Цзинь и ездившего к Чингисхану в 1221—1224 гг. по его вызову [13]. Чан Чунь проделал большой и сложный путь, сначала на север к оз. Далай-нор, потом вдоль рек Керулен и Тола, северных отрогов Тяньшаня, р. Или, через Ташкент и Самарканд почти до современного Кабула [9] (см. карту).

Рассмотрение сношений чжурчжэней с окружающими народами мы начинаем с народа мэнгусы (мангуцзы, мэнгу и т. д.), хотя размещались

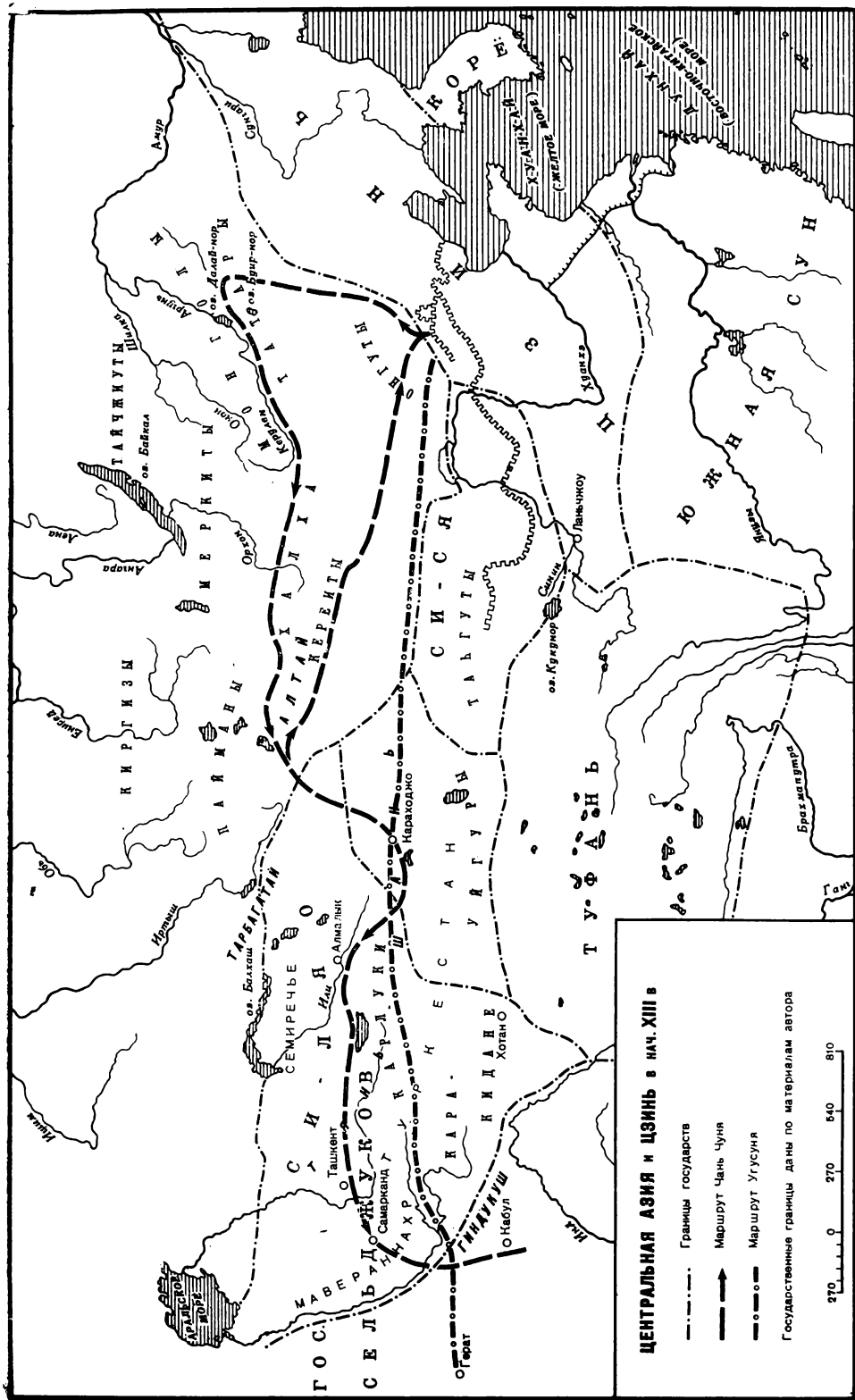
они, по-видимому, уже за пределами Центральной Азии. Однако вероятная их близость с широко известными монголами делает излишним обращение к ним.

«Да Цзинь гочжи» сообщает фактические сведения о мангуцзы, надевая последних ростом в восемь футов, способностью видеть за несколько десятков ли даже мелкие предметы. Это необыкновенное свойство объясняется тем, что мангуцзы не ели горячего, а питались одним сырым оленьим мясом [6, цз. 12]. Другие сведения более правдоподобны. В период установления династии цзиньцы вербовали у мэнгусы солдат, но нарушили условия оплаты. В 1135 г. чжурчжэньский военачальник Цзунпань неожиданно напал на них и нанес им поражение [6, цз. 9]. Другой военачальник, Хушаху, оказался менее удачлив. Дважды, в 1138 и 1146 гг., вынужденный отступить из-за отсутствия припасов, он был разбит на обратном пути [6, цз. 10]. В годы репрессий, проводимых Хай-лин-ваном, сын казненного Далая бежал к мэнгу. Карательная экспедиция Цзинь под предводительством Учжу ничего не могла поделать. В 1147 г. был заключен мир, по которому чжурчжэни уступили мэнгу 27 укреплений к северу от р. Сипинхэ, обязались снабжать их ежегодно быками, баранами и хлебом. Вождь победителей, упоенный успехом, отказался от цзиньского титула Аоло-боцзилэ, назвал себя на китайский манер *Цзуюань хуанди*, т. е. «священным императором-родоначальником», и ввел девиз годов правления *тяньсин* (1147 г.).

Чжурчжэньские силы могли контролировать в этих местах лишь горные проходы, но это не препятствовало мэнгу совершать набеги на цзиньские земли. От этих набегов чжурчжэни откупались рабами, драгоценностями и тканями. Характерно, что, захватывая в плен киданьских и китайских женщин, мэнгу вступали с ними в брак, теряли этническую монолитность («стали вовсе не похожи на прежних людей мэн») и приобретали новые навыки, в частности привычку к вареной пище [6, цз. 20]. В цитированном источнике народ мэн упоминается последний раз под 1200 г., а всего на протяжении 65 лет.

Интересно, что источники XII в. не считали эти племена родичами монголов. Одни указывали, что первые проживали на востоке, а вторые — на западе на расстоянии нескольких тысяч ли друг от друга [6, цз. 20], другие — что перебежчики-цзиньцы научили монголов называться страшным для чжурчжэней именем «мэнгу» [11]. Наивность последнего предположения очевидна, однако с первым соглашались многие, в том числе В. П. Васильев [5, 80]. Третьи, принимая мнение о родстве мэнгуцзы и монголов, подозревали ошибку в обозначении размещения земель мэнгуцзы по отношению к чжурчжэньским («северо-восток» вместо «северо-запад»). Нам кажется, что размещение мэнгуцзы в современной провинции Хэйлуцзян не противоречило ни расстоянию, ни направлению, указанным в источниках, если учесть, что местопребыванием чжурчжэней для авторов этих источников была не Маньчжурия (их прародина), а китайская равнина.

Монголы в собственном смысле слова, которые на рубеже XIII в. обитали на пространстве между реками Керулен и Онон, попали в поле зрения Чан Чуня во время его путешествия к Чингисхану. Он упоминает о том, как монголы собирали рыб, выкинутых волнами на берег оз. Лугуй (Буир-нор), вспоминает высокие ивы, употребляемые на остовы юрт. Население занималось скотоводством и охотой, питалось мясом и молоком, одевалось в кожаное и меховое платье, жило в черных телегах и белых юртах, не знало письменности, заменяя ее резными бирками. Чан Чуня поразили женские головные уборы — высокие берестяные у бедняков и красные матерчатые с хвостами животных — у бо-

гачей; свободно спадающие волосы. Он подметил черты патриархального быта — широкое гостеприимство, свободолюбие и дисциплинированность монголов [13, 287—289].

Между чжурчжэньским валом на западной границе цзиньских владений в Маньчжурии и р. Керулен размещались татары. Рассматривая их отдельно от монголов, мы ни в коей мере не намерены вступать в дискуссию о соотношении этих двух этнических наименований и их носителей, а лишь следуем в этом отношении рассматриваемым источникам¹.

Другие источники идут еще дальше в этом вопросе: они считают татар (гатань) и чжурчжэней родственными племенами — потомками мохэ и относят их обособление как самостоятельных племен к эпохе киданьских завоеваний. Согласно китайской традиции, эти источники делят их, как некогда чжурчжэней, на «цивилизированных» (вследствие их близости к Китаю), занимающихся хлебопашеством и приготавливающих кушанье на огне, и на «нецивилизированных» (из-за отдаленности места обитания от Китая), пробавающих охотой, вооруженных одними костяными стрелами и не знающих ни утвари, ни железа. Как утверждает этот источник, железо и медь проникли к татарам лишь после переселения чжурчжэней в Северный Китай, т. е. в 30—40-е годы XII в. [6, цз. 12].

В официальной цзиньской истории название *татаень* не встречается, зато есть слово *цзубу*, появившееся еще в киданьской династийной истории, где оно попадает чаще, чем в цзиньских летописях. Последнее обстоятельство вызвано тем, что цзубу жили на северных землях Ляо, не вошедших в чжурчжэньские владения. Этот этноним киданьского времени, по-видимому, относился как к собственно татарам, так и к джалаирам, керейтам, чжиличжинь, найманам [17, 428]. Скупые сведения о цзубу в «Цзиньши» касаются отправления к ним чиновников для передачи приказов, прибытия цзубу с данью [15, цз. 7], восстаний [15, цз. 93] и окружения цзиньского карательного отряда восставшими [15, цз. 94].

Проезжая через татарские земли, Чан Чунь видел черные телеги (т. е. юрты на телегах) и белые юрты, приспособленные для сезонных перекочевков, наблюдал сами кочевки татар со скотом в поисках воды и пастбищ. Чан Чунь упоминает о нескольких тысячах таких телег и юрт, скопившихся во время свадьбы, на которую по обычаю съезжались татары из окружающих стойбищ, часто за несколько сот километров, привозя с собой кумыс [13, 286—287].

Вдоль западной границы Цзинь жили онгуты (или белые татары). Они неоднократно совершали набеги на цзиньское пограничное население, невзирая на гарнизоны и укрепления. Их сила заключалась в союзе с другими племенами, в частности с хэдисинь и посухо. Чжурчжэни всеми силами стремились подорвать этот союз и привлечь онгутов на свою службу для охраны границ [15, цз. 93]. Именно онгуты в 1124 г. снабдили последние остатки киданьского воинства — Елюя Даши с его двумястами всадников — конями, верблюдами и баранами [15, цз. 121]. Чан Чунь отмечает обилие в этих местах солончаков, соленых озер, отсутствие гор, рек и пашен. Население питалось молоком, одевалось в меха и жило в войлочных юртах [13, 284—285].

Где-то в этих районах бродили племена шаньчжикун и уже упо-

¹ Мэн Хун в «Записках о монголо-татарах» («Мэнда бэйлу») [11] со ссылкой на другие источники указывает, что монголы (мэнгусы) исчезли к моменту возвышения татар, а последние в начале XIII в. заимствовали их имя [см. 5, 219]. Н. Я. Бичурин считал монголов и татар двумя племенами одной и той же народности [см. 1. т. II 176].

минавшиеся хэдисинь. По «Цзиньши», это особые северные племена, они кочевали среди онгутов и в течение ряда лет тревожили цзиньскую границу. Иногда чжурчжэням удавалось серьезно потеснить некоторых из них, как это произошло с хэдисинь, которым пришлось, бросив все, сгойти на запад [15, цз. 93].

Племя сяньчу обычно связывают с джалаирами [17, 428]. Оно стремилось установить торговые отношения с чжурчжэнями, неоднократно обращаясь к ним с просьбой об открытии рынков на таможах (в 1198 г. и другие годы) [15, цз. 11, 50].

О прочих племенах, живших к западу от собственно монголов, — керейтах, найманах, киргизах сообщается лишь в записках Чан Чуня, причем обычно без упоминания племенных названий, которые устанавливаются по географическим признакам. Так, прибыв во владения или «орду» одной из ханш Чингиса, где-то на Орхоне, Чан Чунь увидел «тысячи телег и юрт». Здесь жили царевны из правящих домов — чжурчжэньского и тангутского, присланные Чингису. Несмотря на походный, с точки зрения китайца, характер лагеря, ханские юрты, с удивлением отмечает Чан Чунь, роскошью превосходили юрты хунских шаньюев, и в жару в них не было мух. Жители орды (керейты) ежедневно готовили кумыс и сливки, но мука стоила очень дорого, так как доставлялась на верблюдах издалека, откуда-то с запада, возможно из Средней Азии [13, 291—292].

Керейты (хэрэ) наряду с монголами в узком смысле слова, и татарами (татань), и не упомянутыми в цзиньских источниках тайчжуутами относились к четырем поколениям, которые с середины XII в. считались главными в массе монгольских племен [1, т. II, стр. 291—292]. Но помимо вышеназванных к монголам принадлежали и найманы. Правитель керейтсв Тоорил получил королевский титул от чжурчжэней (*Ванхан*). В 1201 г. найманы отвоевали у Си Ляо Тарбагатай и Западную Халху, но через пять лет сами опять были покорены монголами. Где-то в восточных предгорьях Алтая Чан Чунь впервые увидел мусульман и поля, орошаемые арыками, а также переселенных сюда ремесленников-китайцев [13, 292—293]. По слухам, дошедшим до него, к северу от найманов в стране Кянькяньчжоу (киргизов?) добывается железо, есть белки и живут китайские ткачи [13, 339]. Так обстояло дело с монголо-татами².

Тангутское государство Ся или Си Ся, т. е. Западное Ся (1032—1227), глубоко вклинивалось в цзиньские владения в Китае. Много тангутов жило и на территории Цзинь. Отношения между чжурчжэнями и тангутами развивались с учетом этих двух обстоятельств и политики предоставления максимальных привилегий некитайскому населению империи. В 1124 г. тангуты признали верховный сюзеренитет Цзинь. К 1131 г. чжурчжэни овладели Ланьчжоу, бассейном р. Синин, оз. Кукунор, округом Хэчжоу и на тангутско-чжурчжэньской границе официально установился мир, который не нарушался свыше восьмидесяти лет, пока тангуты числились данниками Цзинь [15, цз. 38]. Это состояние мира прерывалось лишь пограничными инцидентами и набегами: «Пограничное население Си Ся, соседней с Шэньси, своевольно перешло границу и разбойничало» [15, цз. 50]. Для предупреждения таких набегов чжурчжэни построили вдоль границы свыше десятка крепостей [15, цз. 96]. Тем не менее в летописи часто упоминается о разграблении городов в цзиньском государстве, например Цзячжоу, Хуайчжоу, Хуань-

² Общие сведения о них можно найти во многих трудах. Кроме цитированных работ В. П. Васильева и Н. Я. Бичурина см. [1, 2, 18].

чжоу, Хэань [15, цз. 13—14]. По-видимому, в связи с одним из таких происшествий Цзинь послала своих эмиссаров к тибетским фаням, дабы побудить последних к действиям против тангутов [15, цз. 113]. Но обычно отношения между двумя государствами развивались спокойно: тангутские послы в надлежащее время приезжали к цзиньскому двору с поздравлениями по случаю наступления Нового года или дня рождения императора и т. д.

На заре династии Цзинь чжурчжэни были обеспокоены намерением ляоского государя бежать в Си Ся [15, цз. 78], а затем отношениями, которые Елюй Даши (потомок киданьских императоров) поддерживал с Си Ся [15, цз. 74]. Когда кризис миновал, чжурчжэни дали этому государству ряд поблажек. Они сделали тангутам территориальные уступки. Сюань-цзун выкупил тангутов — подданных Си Ся и отпустил их на родину [15, цз. 14]. Несколькими годами позже Ай-цзун опять вернул людей Си Ся [15, цз. 17]. Такие действия, возможно, диктовались и торговыми интересами: Сюань-цзун сетовал на утрату прежних рынков в Си Ся, где чжурчжэни закупали коней [15, цз. 106].

Для чжурчжэней Си Ся служило примером жизнеспособности государства, созданного некитайским народом, без давних исторических традиций (какими обладали, например, корейцы), не враждебных чжурчжэням, у которых не было с ними вековых распрей (как с киданями). Обе стороны не доверяли китайцам, не случайно чжурчжэни заключили с Си Ся длительный мир не по китайским, а по ляоским законам [15, цз. 83]. Вельможа Нянъгэ Водэла специально отмечает, что «Си Ся, хотя и маленькое государство, но чтит старинные обычаи» [15, цз. 8]. Во время обсуждения планов нападения на Китай сановники ссылаются на успешный опыт Си Ся в борьбе с Сун [15, цз. 74]. Чжан-цзун интересовался: кто храбрее — китайцы или тангуты? [15, цз. 94]. Когда нависла угроза монгольского нашествия, судьба Си Ся, прикрывавшего Цзинь с запада, кровно заинтересовала чжурчжэней. Цзиньский император Айцзун говорил, что «Великая Юань уничтожила 40 государств, включая и Си Ся» [15, цз. 18], т. е. выделял тангутское государство особо.

Тангуты, жившие на территории Цзинь, служили в иррегулярных национальных частях в Северо-Восточном верховном комиссарстве [15, цз. 44]. В целях уточнения ставок налогового обложения правительственные чиновники неоднократно проверяли число дворов и людей в военных поселениях и ополчениях тангутов, размеры целины и пашен, число воловьих упряжек [15, цз. 46]. Тангуты облагались государственным налогом наравне с привилегированными чжурчжэньскими ячейками мэнъянь и моукэ [15, цз. 47]. Таковы были взаимоотношения чжурчжэней и тангутов³.

Государство уйгур (874—1369), отделенное от чжурчжэней тангутами, естественно, находилось с Цзинь в менее тесных отношениях. Однако уже в 1127 г. в Цзинь прибыли два уйгурских посольства, в 1131 г. уйгуры выдали чжурчжэням нескольких воинов Даши [15, цз. 3].

В дальнейшем, вплоть до 1172 г., уйгурские посольства прибывали неоднократно — с подарками (данью) или с поздравлениями. В посольском приказе Цзинь состояли специальные переводчики с корейского, тангутского, уйгурского языков, что подтверждает регулярный характер сношений с этими народами [15, цз. 55]. Уйгурские дипломаты и купцы выступали и как посредники: в 1144 г. уйгурское посольство привезло весть о смерти Елюя Даши — царя Си Ляо — и о распространении

³ Более подробные сведения о тангутах и Си Ся см.: [10, 4].

нии пределов его царства до границ Си Ся, включавшего и вассальные уйгурские земли. Именно с этим посольством поехал к каракиданям чжурчжэньский посол, о котором речь пойдет дальше. В 1175 г. на цзиньскую границу прибыло три уйгурских купца, которые попросили убежища и получили его. Тогда же несколько мелких уйгурских вождей, подданных Си Ляо, просили признать их вассалами Цзинь и обменять жалованье киданьские печати на цзиньские [15, цз. 121].

Двигаясь вдоль северных отрогов Тяньшаня, Чан Чунь видел в Уйгурии виноградники, поля яровой пшеницы, орошаемые водой из источников (о чем прежде сообщали упоминавшиеся уйгурские перебежчики), восхищался виноградным вином, невиданными плодами (в особенности крупными арбузами, дынями и репчатым луком), благовониями, персидским холстом [13, 229—302]. В 1218 г. уйгуры стали данниками Чингисхана. Сменив каракиданьских сюзеренов на монгольских, они сохранили свое царство⁴.

Еще дальше на запад раскинулась империя каракиданей — Си Ляо (1124/1130—1211). В цзиньских источниках монгольское название «каракидане» или «черные кидане» отсутствует; сохранено старое наименование народа — кидане и государства — Ляо (или царство Даши), что, конечно, передает ощущение преемственности, существовавшее у цзиньцев, когда дело шло о киданях и о их новом государстве. Это ощущение, несомненно, имело под собой реальную почву.

Член киданьского правящего дома Елюй Даши в 1123 г. попал в плен к чжурчжэням, служил в их войсках, в 1124 г. бежал и провозгласил себя императором Ляо. Но империя Ляо уже не существовала, и Даши с двумястами всадников пришлось бежать на запад — на Орхон, воспользовавшись помощью онгутов, снабдивших его четырьмястами коней, двадцатью верблюдами и тысячей баранов [15, цз. 3]. В распоряжении Даши сохранились некоторые местные гарнизоны и табуны боевых коней, и чжурчжэни продолжали преследовать его. После отхода на восток чжурчжэньских войск, добившихся капитуляции последнего киданьского императора — Тянь-цзо-ди, Елюй Даши в 1125 г. попытался заключить союз с Си Ся, но это вызвало новую чжурчжэньскую экспедицию в 1128 г. [15, цз. 73]. Татары, среди которых скрывался Даши, сочувствовали беглым киданям, но не желали видеть в своих владениях чжурчжэньские войска, а тем более служить в них [15, цз. 121]. Даши сохранил свои силы, но должен был уйти сначала к уйгурам в Хэчжоу (Гаочан), а после дипломатического протеста чжурчжэней, направленного в Си Ся, дальше на запад. Там, в Семиречье и Восточном Туркестане, он создал свое царство, обширное, но пестрое по составу. С 1130 г. начинается эпоха существования Си Ляо как государства. По-видимому, примерно с этого времени (с 1131 г.) чжурчжэни надолго утрачивают информацию о положении в Си Ляо, хотя это государство включало в себя уйгур, карлуков и ряд племен и территорий Восточного Туркестана и (с 1141 г.) Семиречья и Средней Азии⁵.

Однако Си Ляо притягивало взоры китайских дипломатов и киданьских подданных Цзинь и уже поэтому не могло не интересоваться чжурчжэней. В 1144 г. уйгуры донесли о смерти Даши (1143 г.). В обратный путь с уйгурами поехал Нянькэ Ханьну — чжурчжэньский посол к каракиданьскому двору. Он пропал без вести, и только много позднее чжурчжэни узнали, что их посол нашел свою смерть в 1146 г., отказавшись сойти с коня перед каракиданьским императором и потребовав

⁴ Об истории Уйгурии см.: [14, 12].

⁵ Подробности о Си Ляо см.: [3, 19].

в свою очередь, чтобы тот пешим принял цзиньскую грамоту [15, цз. 121].

Общую ситуацию точно выразил чжурчжэньский император Ши-цзун (1161—1189), заявив: «Сунцы радуются возникновению происшествий в тылу и с Даши поддерживают сношения» [15, цз. 50]⁶, т. е. киданские восстания, обычно кончавшиеся бегством части восставших в Си Ляо, все учащались. Мы узнаем, что группа киданей с границы, спасаясь, бежала к Даши [15, цз. 88], что в 1161 г. Саба поднял мятеж, бежал сначала на р. Лунцзюй (Керулен), а оттуда в Си Ляо и был убит по дороге своими воинами [15, цз. 133]. В 1177 г. цзиньские чиновники схватили на границе четырех эмиссаров из Си Ляо. Ши-цзун повелел расселить киданей — подданных Цзинь «как следует», дабы каракидане не провоцировали их на пограничные беспорядки [15, цз. 88]. В 1188 г. Ваньянь Сян представил цзиньскому императору план сдерживания каракиданей, который был принят. Через год, в 1190 г., вождь одного из каракиданьских родов пожелал стать данником Цзинь. Член правящего дома Ваньянь Аньхэ поспешил встретиться с ним [15, цз. 94].

Кроме этих фактов, зафиксированных в «Цзиньши», много сведений о каракиданах, казалось бы, должно было сохраниться в «Бэй ши цзи» Угусуня и в «Си ю цзи» Чан Чуня. В действительности дело обстоит иначе. Оба путешественника посетили эти места в 20-х годах XIII в. не только после потери каракиданами их среднеазиатских владений (1208 г.), но и после завоевания их самих монголами (1211 г.). Говоря о каракиданах, Угусунь утверждает: «В настоящее время осталось мало жителей, они переняли обычаи и одежду хуайхэ (т. е. мусульман)» [16, 31]. Эта фраза является ключом к пониманию описания Восточного Туркестана и Средней Азии, содержащегося у Чан Чуня и Угусуня. Описание содержит меткие этнографические и географические наблюдения. Однако лишь немногие из этих наблюдений относятся к каракиданям — создателям государства Си Ляо, большинство же касается местных «мусульман», заселявших эти территории с давних пор и во время пребывания обоих путешественников.

Вступив в глубинные владения каракиданей — район Алмалика (который одновременно являлся средоточием карлуков), Чан Чунь отмечает обилие воды и травы, тутовых деревьев и жужуба, восхищается тканью *тулума*, которая походит на «...ивовый пух, чиста, тонка и легка, из нее можно прясть нитки, вить веревки, ткать холст и делать вату» [13, 304]⁷, интересуется орошением полей арыками. Он снова и снова подчеркивает: «Жители занимаются земледелием и шелководством; вино выделывают из винограда; плоды те же, что в Китае; только целое лето и осень не бывает дождя; поэтому поля орошаются водою из рек, посредством канав, отчего хлеба и поспевают» [13, 307].

Проникнув в Мавераннахр, Чан Чунь был потрясен видом Самарканда, к описанию которого возвращается неоднократно, одновременно высказывая ценные замечания о пригородных полях. Город был построен на каналах, и при хорезм-шахах в нем обитало более ста тысяч семейств — число, к моменту появления Чан Чуня уменьшившееся вчетверо. Местным землевладельцам навязали в совладельцы завоевателей — монголов и их союзников. В городе поселили много ремесленников из числа пленных китайцев [13, 311]. Воспевая в стихах Самарканд,

⁶ В это время сам Даши уже умер, и Ши-цзун имел в виду его государство.

⁷ По мнению Кафарова, это «хлопчатая бумага».

путешественник пишет: «Весь город наполнен медными сосудами, сияющими как золото, а на рынках военное платье, как даосское. Ножницы и пила из золота — суть товары и подарки; шьют платье из белой тонкой шерстяной материи. Чудесные дыни и белые тутовые ягоды, вещи необыкновенные; кому из китайцев попробовать их!» [13, 327].

Именно новизной впечатлений странствующего китайца XIII в. объясняется пространность этнографического описания Средней Азии (Мавераннахра) по сравнению с отдельными, как бы мимолетными замечаниями о быте народов и географических чудесах восточных районов, виденных Чан Чунем. Как пишет Чан Чунь, земледелие в этих местах процветало, и помимо гречихи и бобов сеяли разные культуры, в особенности пшеницу. Последняя созревала весной, что было диковиной для китайцев, и хранилась в снопах на полях. Земля родила сладкие и душистые арбузы, достигавшие весом 7 кг и по вкусу превосходящие китайские, массу плодов и овощей (кроме каштанов и таро). Земледельческие орудия, повозки и водный транспорт отличались от китайских по форме и по размеру. Посуда преобладала медная, а фарфоровая встречалась реже и напоминала китайские *динъяо*, зато сосуды для вина обычно стеклянные. В стране, как подчеркивает Чан Чунь, обращались золотые монеты, без квадратного отверстия в центре, но с «мусульманскими» письменами.

Люди, крупные и крепкие, сохранили привычку заплетать волосы. Должностные лица носили высокие шапки с кистями и украшениями из разноцветной ткани, мужчины-простолюдины обертывали голову куском белого холста двухметровой длины (чалма). Знатные женщины для этой цели пользовались расшитой парчой, одноцветной или разноцветной, незнатные довольствовались холстом или шелком. Длинная рубашка с рукавами из тонкой белой шерсти служила одеждой для лиц обоего пола.

Повседневной пищей являлись лепешки с солью (последняя красноватого цвета, каменная), а питьем — вода, продажей которой вразнос кормились многие бедняки.

Чан Чунь удивляется положению женщины, более независимому, чем в современном ему Китае. Местная женщина имела право на развод, как он пишет, «если муж ее обеднеет», на вторичный брак уже после трехмесячной отлучки мужа. Исключительное положение муллы (дашима) в среднеазиатском мусульманском обществе привлекает особое внимание даоса. Характерно, что он подмечает и выделяет одну черту, обеспечивающую муллам привилегированное положение. Муллы грамотны и держат в своих руках всю письменную часть в стране. Такая ситуация была совсем не характерна для китайско-цзиньского общества, с засильем гражданской бюрократии. Мусульманский месячный пост с ночной мясной трапезой, шесть дополнительных постов, двукратные (утренние и вечерние) всеобщие моления, уклонение от которых угрожало смертью, были столь же чужды более мягким религиозным нравам Китая и Цзинь [13, 324—327, 329].

Угусунь, путь которого, возможно, лежал южнее, чем маршрут Чан Чуня, добрался до Герата и оставил краткий рассказ о мусульманах этого ареала, который мы приводим полностью.

«Империя хуайхэ (магометан) очень обширная и простирается далеко на запад. В 4-й или 5-й месяц (май, июнь) трава там высыхает, как у нас зимой. Горы (Гиндукуш.— *Е. В.*) покрыты снегом даже в самое жаркое время года. Когда солнце в зените — становится жарко, когда оно заходит — делается холодно. В 6-м месяце (июнь) людям приходится носить ватные одеяния. Летом нет дождей, они выпадают

лишь осенью, тогда овощи прорастают, зимой равнины зеленеют, как у нас весной, кустарники и деревья тоже в цвету.

У хуайхэ густые бороды, волосы которых вьются, как баранья шерсть. Волосы бывают разного цвета — черного (индиго) или рыжего (хна) и разных оттенков. Лица их сплошь заросли волосами, видны лишь нос да глаза. Все их обычаи странны. Есть следующие хуайхэ. Мусульманские хуайхэ кровожадны и алчны. Они рвут мясо пальцами и проглатывают его. Даже во время Великого поста едят мясо и пьют вино. Хуайхэ с Или несколько мягче и обходительнее. Они не любят убивать и не едят мяса, когда постятся. Еще дальше есть магометане Индостана, они черные и доброго нрава.

Много другого можно бы сообщить об этих народах. Вожди выбирают там себе слуг среди черных и отверженных Индостана и метят их лица огнем. Люди любят жить в городах, деревень нет. Крыши домов крыты глиной (как в Западной Азии). Все деревянные детали в домах резные. Белое стекло идет на окна и сосуды. Страна очень богата серебром, жемчугом, хлопком, коноплей и т. д. Их луки, стрелы, повозки, одежда, вооружение, копья и сосуды странного вида. Для постройки мостов употребляют большие кирпичи, похожие на челноки. У них есть пять родов злаков и тутовое дерево, как в Китае. Соль у них добывают в горах. Вино они делают из винограда. Есть арбузы весом до 60 фунтов. Яблоки очень приятной расцветки. Лук и дыни также весьма красивы и ароматны. Из животных есть верблюды, но у них только один горб (китайцы привыкли к двугорбым верблюдам). Быки имеют род горба на шее (зебу). У овец длинные хвосты. Имеются еще львы, слоны, павлины, буйволы, дикие ослы (онагры). Есть змеи на четырех ногах (хамелеоны). Также есть страшное насекомое, напоминающее паука. Когда оно укусит человека, он вскрикивает и умирает (каракурт). В этих странах есть множество видов животных, птиц, рыб, насекомых, отсутствующих в Китае.

Есть гора, называется Табизхань. Она тянется на 50—60 ли, выглядит как зеленая ширма, покрытая лесом из деревьев гуй. У подошвы горы родник.

Люди одеты просто. Поны их одежды не знают правого или левого запястья; все носят пояса. Их платья, подушки, одеяла сделаны из пряжи. Эта пряжа растет на земле (хлопок). Их пища состоит из печеных лепешек, мучного, рыбы и мяса. Женщины одеваются в белые одежды. Они закрывают лица до самых глаз. Среди них попадаются с бородами. Женщины ничего не делают, только поют и танцуют. Шитье и вышивание — мужское дело. Есть также актеры и фокусники. Их законы написаны мусульманским письмом. Для письма они употребляют тростник. Во время погребения не используют гробов или саркофагов. Мертвеца они всегда кладут головой на запад. Их священники не бреют головы. В храмах не видно изваяний и икон. Только в городах Хэчжоу (Караходжо, Гаочан), Шачжоу (пров. Ганьсу) есть храмы со статуями, такими же, как в Китае. Там они читают нараспев буддийские сочинения, написанные по-китайски. Язык религиозных магометанских книг непонятен китайцам» [16, 29—33].

Чжурчжэньские связи с центральноазиатскими странами и народами отличаются некоторыми специфическими чертами. Несомненно, впервые маньчжурская народность получила возможность войти в прямой контакт с центральноазиатским миром. Разумеется, это оказалось возможным лишь вследствие экспансии чжурчжэней в Северный и Центральный Китай, откуда и поддерживались эти связи. Но эта же самая экспансия прервала китайские связи с Центральной Азией: последнее

посольство из Хотана прибыло в сунский Китай в 1124 г., а из Уйгурии — в 1172 г. И все же после ханьской и танской империй цзиньская занимает третье место по протяженности своего влияния в Центральной Азии. Во всяком случае, северосунское правительство не могло тягаться с цзиньским даже в отношении владений в таких соседних с собственно Китаем областях, как современные провинции Шэньси и Ганьсу [5, 95], не говоря уже о более отдаленных землях. Но есть коренные отличия и в характере самих отношений. Интерес династий Хань и Тан к западным странам диктовался прежде всего военными и торговыми соображениями: китайцы отбивали набеги пограничных народов, искали союзников в тылу этих племен, старались обеспечить прямую и транзитную торговлю по Великому шелковому пути. Чжурчжэни не вели активной торговли с далекими странами на западе, при заключении отдельных сделок пользовались услугами уйгуров, а военная опасность угрожала им лишь со стороны монголов. Поэтому познания чжурчжэней об окружающем мире уменьшались довольно равномерно по мере удаленности соответствующих народов от государства Цзинь. Это подтверждается примером с каракиданами, о которых чжурчжэни имели весьма смутные сведения, несмотря на выраженный интерес к этому народу. Сходное положение, хотя и по другим причинам, существовало и в понимании событий, происходящих в глубине монгольских степей. Наиболее яркие, содержательные и обширные сведения о глубинных районах Центральной Азии чжурчжэни получили лишь в последние десятилетия существования своего государства, косвенно благодаря своему заклятому врагу Чингисхану, за которым гонялись цзиньские послы и проповедники вплоть до Ближнего Востока.

Тяга к внешнему миру у чжурчжэней не шла в сравнение с ханьской или танской, но мало уступала интересу менее активных и процветающих китайских династий, в том числе и сунской. Именно чжурчжэням, хотя и на закате, довелось вновь открыть восточно-азиатским народам и самим китайцам чудеса далекого Запада — Семиречья, Туркестана, Средней Азии. Можно догадываться, что сами цзиньцы узнали о них, да и о своих северных соседях-монголах раньше и больше, чем Южная Сун. Не случайно для Чань Чуня — одного из самых образованных людей своего времени — диковинное начинается сразу же за границей Цзинь — у онгутов, тогда как чжурчжэньского вельможу Угусуня Чжун Дуаня неведомое встретило лишь в Си Ляо, да и то относилось к политическому строю; географические и этнографические новинки стали ему попадаться дальше на западе. Меркитов, найманов, уйгуров, карлуков он только перечисляет — они ему неинтересны, так как хорошо известны.

Эту тенденцию — опускать известное в частных записках — надо учитывать при оценке географических познаний чжурчжэней о Центральной Азии наряду с утратой всей рядовой официальной документации, например о сношениях с монголами, татарами, онгутами, тангутами и пр., которая не могла не существовать. Но и независимо от этого напрашивается вывод, что чжурчжэни сумели расширить прежние рамки географических и этнографических представлений дальневосточного мира о Центральной Азии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бичурин Н. Я., Записки о Монголии, СПб., 1828, т. 2.
2. Бичурин Н. Я., История первых четырех ханов из рода Чингисова, СПб., 1829.
3. Бичурин Н. Я., Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана, СПб., 1829.
4. Бичурин Н. Я., История Тибета и Хухунора, СПб., 1833, ч. 1—2.

5. Васильев В. П., История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века, — ЗИАО, т. XIII, СПб., 1859.
6. «Да Цзинь гочжи», сост. Юйвэнь Мао-чжао, Бэйпин, 1937.
7. «История Монгольской Народной Республики», М., 1967.
8. «Кинси гои сюэй» («Словник к „Цзиньши“»), сост. Х. Оногава, Киото, 1961—1962, т. 1—3.
9. Клеменц Д. А., Записки к маршруту Чан Чуня, — «Сборник в честь 70-летия Г. Н. Потанина», СПб., 1909 («Записки ИРГО по отделу этнографии», т. 34).
10. Кычанов Е. И., Очерк истории тангутского государства, М., 1968.
11. «Мэнда бэйлу», сост. Мэн Хун, Приложение к № 5.
12. Позднеев Д., Исторический очерк уйгуров (по китайским источникам), СПб., 1899.
13. «Си ю цзи или Описание путешествия на Запад», пер. с кит. с примечаниями Палладия (Кафарова), — «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», СПб., 1866, т. IV.
14. Тихонов Д. И., Хозяйственный и общественный строй уйгурского государства X—XIV вв., М.—Л., 1966.
15. «Цзиньши», сост. То Кэ То и др., Шанхай, 1936.
16. Bretschneider E., Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources, London, vol. I, 1910.
17. Fêng Ch'eng-chün, The Peoples and Tribes on the Northern Frontier of Liao and Chin, — «Fujen Hsüehchih», 1939, vol. 8, № 1.
18. Howorth H., History of Mongols from 9 to the 19th Century, London, 1876, vol. I.
19. Wittfogel K. A. and Fêng Chia-shêng, History of Chinese Society Liao, Philadelphia, 1949.